

*АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ*

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ
И СОВРЕМЕННЫЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ТЕНДЕНЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ¹**

Т.Н. Ямщикова, Т.А. Журавлева

DOI: 10.33293/1609-1442-2020-3(90)-7-18

Жизненный цикл присущ всем системам и ее отдельным элементам. Период от формирования той или иной социально-экономической системы до ее изменения (или окончания функционирования) является ее жизненным циклом. В переходные периоды остро ощущается потребность в осмыслении новых явлений и вызовов развития, оценке возможных угроз и рисков, которые могут сопровождать трансформации социально-экономических отношений. Цель настоящей статьи – описать тенденции социально-экономической действительности, проявившиеся в последние десятилетия в России, которые позволяют обозначить ожидаемые черты десятилетий грядущих. Последовательное раскрытие уже видимых тенденций, подтвержденное теоретической концептуальной основой и эмпирической составляющей, отражает причинно-следственную связь всех сфер общественного устройства. Исходя из единства диалектических позиций раскрывается интеграционная функция институтов, где экономическая система служит ареной взаимодействия и выражения политики, куль-

© Ямщикова Т.Н., Журавлева Т.А., 2020 г.

Ямщикова Татьяна Николаевна, к.э.н., доцент кафедры, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел, Россия; ktn4@yandex.ru

Журавлева Татьяна Александровна, д.э.н., профессор кафедры, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел, Россия; zhuravleva_orel@mail.ru. ORCID 0000-0002-9065-5072

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-010-00124).

туры, психологии, идеологии и других общественных сфер. Масштабные эволюционные изменения и появление новых культурных типов происходят в условиях трансформации технологии и экономики. Складывающиеся эволюционные законы развития опосредованы как институциональным влиянием, так и собственно системным характером формирования условий, складывающихся для новых социально-экономических отношений. Институты общества способствуют тенденциям сохранения и изменения социально-экономического развития и дальнейшей их передаче и распространению в условиях динамики и стадийности. Определяя писанные и общепринятые правила поведения в обществе, институты закрепляют процессы взаимодействия хозяйствующих субъектов и формируют (в рамках действующих неформальных норм) мотивы, стимулы и правила взаимоотношений между политической, социальной и экономической системами.

Ключевые слова: цикличность, институты, современные тенденции общественного развития, причинно-следственные связи

JEL: B50, B51, B52.

ИСТОКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Появление институционализма на рубеже XIX–XX вв. отразило резкий разрыв классических экономических теоретических положений со сложившейся действительностью, обнаружившей фактические противоречия между экономической жизнью и концептуальной позицией.

Институционализм как научное направление, занимающееся исследованием форм экономической активности, включает методологический инструментарий различных наук. В качестве предмета своего анализа институционализм не только указывает на экономические проблемы, но и учитывает различные аспекты общественной, в том числе политической, жизни, культурные и исторические предпосылки, традиционно не входящие в круг экономических явлений, но влияющие на них. «Сформировавшись на американской почве,

институционализм вобрал в себя многие идеи немецкой исторической школы, английских фабианцев, французской социологической традиции, моменты марксистской теории» (Вальцев, 2012). Институционализм исследует совокупность институтов, или *Institutions* (от англ.), институций, развивающихся, изменяющихся во времени и пространстве, которые влияют на поведение и взаимосвязи хозяйствующих субъектов, а также – как результат их существования – определяются направлениями контроля общества над экономикой.

К институтам Т. Веблен относил привычки, раскрывающиеся через устойчивые совокупности социальных норм, установки и схемы мировосприятия, а также разделяемые большинством членов общества стереотипы мышления, стандарты поведения и системы ценностей. «Социальная эволюция, – по мнению Т. Веблена, – не что иное, как процесс отбора и приспособления образов мышления под воздействием обстоятельств совместной жизни людей. Приспособление образов мышления – это и есть развитие институтов» (Веблен, 1984, с. 219).

Сегодня распространено определение институтов Д. Норта: «Институты – это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми... Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен» (Норт, 1997, с. 19).

В 1971 г. в книге «Институциональные изменения и американский экономический рост» Л. (Institutional Change and American Economic Growth) в соавторстве с Девисом (Норт, Девис, 1971) он объясняет, как и почему формируются группы интересов, способные изменять ограничивающие их правила. В 1981 г. в работе «Структура и изменение экономической истории» (Structure and Change in Economic History) Д. Норт (Норт, 1981) признал влияние идеологии в качестве фактора, объединяющего индивидуумов. В работе

1990 г. «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» он рассматривает причины и последствия институциональных изменений (Норт, 1997). Здесь Д. Норт отмечает, что современная экономическая теория изучает рынки, не учитывая необходимых для их создания институциональных установлений (они предполагаются уже существующими). Задача институциональной теории – показать, каким образом происходит изменение институциональной структуры общества.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ «СТРАТЕГИИ 2020»

Итак, рассмотрим современные тенденции и противоречия, складывающиеся сегодня в общественной жизни и функционировании различных институтов. Прежде всего отметим рассогласованность официальной экономической риторики и заявляемых планов Правительства РФ на примере выполнения «Стратегии 2020». Подошел срок окончания осуществления утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. «Концепции долгосрочного развития России до 2020 года». Рассмотрим, как прогнозы российского правительства соотносятся с реальностью спустя 10 лет. Приведем только несколько примеров. Так, объем ВВП к 2020 г. должен был вырасти в 2,3 раза по сравнению с уровнем 2007 г., а его среднегодовой рост до 2020 г. должен был составить 6%. В реальности за последние 10 лет этот показатель составил 1%, а всего ВВП за эти 10 лет вырос всего на 7,5%. Кроме того, в обращении Президента В. Путина к Федеральному собранию РФ 16 мая 2003 г. ставилась задача удвоить ВВП за десятилетие (к 2013 г.); в очередном послании Президента 26 мая 2004 г. она скорректирована по срокам на 2010 г.

В 2008 г. Правительство РФ хотело снизить число бедных (сегодня это граждане с до-

ходом 10 тыс. р.) в 2 раза – с 13,4 до 6–7% к 2020 г. В 2018 г. бедными оставались те же 13% россиян, или 19,3 млн человек. Целевой же показатель бедности населения в 6% перенесли в майские указы Путина 2012 г., и он должен был быть достигнут к 2024 г.

Не выполнены и другие заявленные цели «Стратегии 2020». Так, например, это касается достижения ВВП на душу населения, по которому наша страна переместилась с 52-го на 56-е место в мире, а также темпов роста доходов населения, заявляемых на уровне 7,5% ежегодно, которые должны были удвоиться к 2018 г., когда реально вот уже шестой год подряд доходы граждан в реальном выражении падают. Кроме того, наблюдаются рост НДС и акцизов на фоне профицитного бюджета, снижение доли бюджетных расходов на социальную сферу – в здравоохранении (заявленных на уровне 5–5,5% ВВП по сравнению с 3,6% ВВП в 2008 г.) и образованию (заявленных на уровне 5–6% ВВП) на 1 п.п. по каждой позиции в расходах консолидированного бюджета РФ. Отмечено также снижение динамики реальных расходов консолидированного бюджета на ЖКХ – их величина уменьшена почти в 2 раза. При этом в качестве «достижений» и «процветания» экономики России можно отметить тот факт, что миллиардеры в списке *Forbes* за 2019 г. смогли значительно увеличить свое благосостояние, а число людей с низкими доходами осталось неизменным.

Обеспеченность жильем к 2020 г. в российском государстве была заявлена на уровне 30 м² на человека (т.е. 100 м² на семью из трех человек), который практически достигнут (сегодня, по данным Росстата, – 26 м²), включая при расчетах в эту величину и двухуровневые пентхаусы, и малогабаритные квартиры. Можно продолжить исследовать данную проблематику, но учитывать, что строительство жилого фонда ведется при постоянном удешевлении и экономии на ресурсах, а значит, снижении качества вводимого жилья. Также уменьшается площадь квартиры (в московских новостройках самые маленькие квар-

тиры в 2019 г. достигли 11 м² по сравнению с 29,5 м² в 2012 г.; в Китае же на одного жителя страны приходится в среднем 40 м², в ЕС – 45 м²). Ипотека в России в 2018–2019 гг. оформлялась в среднем под 8–10% годовых на 17 лет (в Финляндии – 1,5% на 35 лет; в Японии – 1,2% на 35 лет; в Швейцарии ипотека наследуется – 1,5% на 100 лет). Ниже мы еще раз будем упоминать о жилищных проблемах в России.

Наконец, Минэкономразвития России прогнозировало довести удельный вес экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров с 0,3 до 2% к 2020 г. «По методологии ОЭСР в 2017 г. он остался на том же уровне, что и в 2007 г., – с долей 0,3% и 30-м месте в мире. За эти годы Россия пропустила вперед такие страны, как Чехия, Польша и Израиль, и находится теперь на уровне Дании, Румынии и Словакии» (Тепляков, 2019). Так, реальный объем экспорта машин и оборудования РФ в ценах 2008 г. в 2018 г. составил 21,78 млрд долл. (в 2008 г. – 22,76 млрд долл.), что свидетельствует о сокращении производства высокотехнологичной продукции в России.

Критический анализ и оценка политических прогнозов и обещаний российского руководства полностью соотносятся с высказанной в свое время П.А. Столыпиным следующей формулой: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России» (Монах Лазарь, 2013). Вот государство и пытается скрыть провал заявленных прогнозов и обещаний влиянием санкций, торговых войн, а также ростом мировой политической нестабильности. Вряд ли на протяжении длительного исторического периода для власти найдется время полного умиротворения, чем она и пользуется, апеллируя в средствах массовой информации к внешним факторам.

Кроме того, до сих пор политическая власть имела возможность пользоваться еще одним механизмом обоснования контуров дальнейшего успешного развития и роста на

основе прогнозов, планов, концепций. Это высокий уровень и потенциал экономического развития, заложенный в свое время Советским Союзом (это убедительно доказывает Г.И. Ханнин в своей монографии «Экономическая история России в новейшее время» (Ханнин, 2008)), позволяющие достаточно длительное время купировать нарастающие противоречия, до тех пор, пока их количественная критическая масса по диалектическим законам стала требовать качественных изменений. Речь идет о том, что можно вообще не отчитываться (а значит, в том числе не нести ответственность) по итогам принимаемых решений и концепций, а просто еще раз внести в нее поправки и очередной раз сдвинуть сроки.

Вспомним, что 2008 г. – год избрания президентом страны Д.А. Медведева, выдвинутого правящей партией «Единая Россия» и поддержанного Президентом России – на тот момент В. Путиным. Естественно поэтому, что в предлагаемую Минэкономразвития Концепцию долгосрочного развития России до 2020 года закладывались исключительно высокие социально значимые императивы. Иначе и быть не могло: на выборах кандидаты обращаются к социальным и экономическим проблемам общественной жизни людей – наличию работы и жилья, достойной и справедливой оплаты труда, своего и своих детей здоровья и образования. Такие предвыборные обещания кандидатов наверняка будут поддержаны, так как вряд ли кому-то могут понравиться обещания экономических кризисов и политических реформ, результатом которых являются войны и революции.

Рассмотрим, какая же роль может быть отведена в экономическом развитии именно институционализму и институциональным циклам. Так, О. Бессонова (Бессонова, 2006, с. 134; 2014), выделяя институциональные циклы с позиции трудовых отношений, отмечает, что в России формируется *четвертый институциональный цикл* – контрактная (договорная) модель, которая «цементирует интегральную формацию». Исследованию институциональных циклов также посвящены

работы Т. Макареня и И. Хазагаевой. Они выделяют институциональные циклы на основе развития института собственности. Основу первого цикла составляет капиталистическая собственность, которая развивалась в условиях пореформенной экономики. Основу второго цикла составляет социалистическая собственность (в форме государственной) на средства производства, развивавшаяся в условиях плановой экономики. Третий цикл основан на частной собственности и развитии рыночных отношений (Макареня, Хазагаева, 2013, с. 6). В своей статье «Институциональная теория циклического развития экономики» (Скоблякова, Журавлева и др., 2017) мы отмечали, что «институциональный цикл – процесс смены модификаций институциональной системы и трансформации социально-экономических отношений. В рамках такой трактовки можно выделить различные виды институциональных циклов, но в основе исследования всех этих циклов будут лежать единые принципы.

Социально-экономические отношения изменяются не по воле отдельных правителей. Смена цикла происходит в том случае, когда экономические отношения перестают соответствовать уровню развития производительных сил и уровню развития институтов и институций. Это создает трудности в разработке единых показателей оценки стадий институционального цикла». В этой же статье в общем виде выделены характеристики стадий (фаз) институциональных циклов.

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Экономика как базис находит свое продолжение в разных сферах общественной жизни. Динамика развития социально-экономических систем определяется изменениями в содержательных характеристиках процессов индивидуальных и ассоциированных субъек-

тов и институтов, взаимосвязей между ними. Сегодня в общественной жизни стал заметно проявляться ряд следующих социально-экономических тенденций.

Эмпирически наблюдаются все возрастающие масштабы миграционных перемещений, когда массы трудоспособного населения переезжают в экономически более сильные регионы, организационно закрепляя квалификационную и отраслевую принадлежность территорий и оформляя крупные городские агломерации. При этом одновременно происходит обезлюдивание сельских поселений, деревень и малых городов, территорий Дальнего Востока и Сибири. В свою очередь, такие субъекты Федерации, как Москва и Московская область, а также Санкт-Петербург, имея институциональный статус столиц (и субъектов Федерации), продолжают укрупняться и оттягивать на себя наиболее мобильные группы населения, преимущественно из числа молодежи и трудоспособного населения.

Один из главных законов миграции, сформулированный в 1885 г. Э.Г. Равенштейном (Равенштейн, 1885), гласит, что главные причины миграции – экономические. Актуальность и достоверность этого утверждения доказывают проведенные социальные исследования. Так, в докладе *Expatriate Insider* за 2017 г. были опубликованы результаты опроса более 12,5 тыс. трудовых мигрантов 166 национальностей из 188 стран мира. Основным принцип внесения государства в рейтинг – более 70% трудовых мигрантов, считавших, что в стране их прибытия они получали заработную плату на 50% больше, чем на аналогичной позиции на родине².

Международная и внутренняя трудовая миграция имеют циклический характер, а в последнее время они приобрели глобальные масштабы в связи с увеличивающимся экономическим и социальным неравенством

² И это – не Россия. 10 лучших стран для трудовой миграции в 2017 г. [Электронный ресурс] // Финансы тут. URL: <https://finance.tut.by/news560539.html?crnd=36978>.

в различных странах, территориях внутри отдельных стран и разделением труда. Данный процесс стал представлять собой один из важнейших факторов экономического развития и социальной трансформации. Разрыв в уровнях экономического развития на национальном уровне и доходах на душу населения – неизменный фактор, определяющий процессы трудовой миграции как в отдельных странах, так и внутри самого государства. Примером подобной ситуации может быть приток мигрантов в Германию и другие экономически благополучные страны Европы, обеспечивающие мигрантам безбедную жизнь. Расширению использования труда легальных и нелегальных мигрантов странами способствует углубление конкуренции на рынке труда. Для рынка труда последнее означает закрепление процессов дерегулирования рынка труда на законодательном уровне, внедрение гибких условий занятости и урезание контрактных видов работ в пользу неформальных видов найма. Миграционная индустрия как стимулирование странами миграционного процесса формировалась в связи с развитием технических средств связи и глобальной сети Интернет. Кроме того, вводимые развитыми и развивающимися странами ограничения и ужесточения миграционных режимов, согласующиеся с общественным мнением и политической конъюнктурой, в условиях неудовлетворенного спроса на дешевую рабочую силу приводят к росту нелегальной трудовой миграции.

Призывы государственной власти вернуться на малую историческую родину при отсутствии там социально-экономической инфраструктуры (работы, ее достойной оплаты, возможностей получения качественных и доступных услуг в сфере образования, здравоохранения, культуры) ни к чему не приведут. Кроме того, для проведения эффективной политики возвращения населения регионы и их города должны обладать по современным представлениям доступным индивидуальным жильем – речь идет не о многоквартирном доме. Однако покупка или строительство ин-

дивидуального дома представляют собой инвестиции уже совсем другого порядка.

В результате происходящих сегодня миграционных процессов наблюдаются тенденции депопуляции регионов, о чем свидетельствуют снижение значений коэффициентов рождений первого и второго ребенка на одну женщину при одновременном повышении смертности в трудоспособном возрасте. Эти процессы в большей степени характерны для городских территорий, где комфорт и смена традиционного образа жизни превращают ребенка в обузу. Принятие семьей решения родить второго и последующих детей определяется их оценкой социально-экономических факторов, своих условий жизнедеятельности и благосостояния. Согласимся с выступлением профессора Н. Зубаревич на радиостанции «Серебряный дождь»³, что в последующие годы продолжится депопуляция населения на фоне демографических волн. Так, например, маленькое поколение детей, родившихся в Великую Отечественную войну (ВОВ), и женщины, оставшиеся без мужчин, также будут рожать малое число детей. А если к этому добавить кризис 1990-х гг., одним из последствий которого явилась демографическая яма, то видна четкая тенденция снижения численности населения. Например, 5–7 лет назад умирали те, кто родился в ВОВ (их было мало), а рожали те, кто родился в 1980-х гг. (их было много), то сейчас умирает поколение беби-бумеров конца 1940-х – начала 1950-х гг. (их много), а рождает поколение 1990-х гг. (их мало). Как видим, наблюдается смена тенденций.

Фертильные возможности одной женщины сегодня составляют 1,6–1,8 ребенка за весь детородный период, а нужно бы 2,1 ребенка, так как не все женщины рожают, для того чтобы хотя бы количественно воспроизвести имеющееся население.

О том, что миграция населения – не решение проблемы депопуляции, свидетельству-

³ «Потапенко будит!». Н. Зубаревич. Демографический обрыв. URL: <https://youtu.be/LFxwiOig7B8>.

ет ее причинно-следственная связь. Миграция сама является попыткой решить экономические проблемы, но при несбалансированных, больших масштабах она становится причиной различных общественных рисков. Например, приток мигрантов во Франции привел к сложным взаимоотношениям во французском обществе. Конфликт между французской и исламской культурами привел к игнорированию национальной культуры мигрантами, происходящим погромам и притеснению коренного населения.

Следующая такая социально-экономическая тенденция, как распространение информационно-телекоммуникационных технологий и доступность быстрого поиска информации, в том числе в образовательной среде, в сопровождении с большим объемом отвлекающей информации рекламного характера способствовала выхолащиванию и ослаблению памяти человека.

Профессор, доктор биологических наук, заведующий лабораторией развития нервной системы Института морфологии человека РАН С.В. Савельев, автор книги «Морфология сознания» (Савельев, 2018), отмечает, что ребенку для становления, роста и социализации необходимо дать возможность жить в разнообразной среде, так как ребенок все-таки отличается от родителей (сходство будет в самых низменных наклонностях – обжорство, прелюбодеяние, доминантность), так как мозг у него совершенно другой, и человеческое в нем будет совершенно иным. Соответственно, у тех, кто рос в разнообразной среде, число связей между нейронами будет больше, а развитие мозга – лучше, а значит они будут и лучше решать конкретные практические задачи.

Кроме того, С.В. Савельев доказал, что мозг у нас работает только в состоянии мобилизации, если мозг имеет возможность не работать, он не будет работать. Мозг невозможно заставить работать, если вы все время будете сыты и счастливы. Ученый пишет о «важности запоминания отрицательных эмоциональных переживаний, в том числе

связанных с конфликтами. Только отрицательный биологический опыт мобилизует формирование долговременной памяти, поэтому по этой причине не удивительна приверженность педагогов прошлых столетий бодрящим воздействиям на память хорошо высушенных и гибких розг» (Савельев, 2018, с. 149). А всевозможные пацифисты и гуманисты, ратующие за игровые методики в образовании и пропагандирующие самообразование как фетиш, – это бизнесмены. С.В. Савельев пишет, что «наказание должно быть, так как должна быть амплитуда, т.е. возможность сравнения с поощрением. Поэтому если хотите вырастить землекопов и грузчиков, нужно поощрять детей, развивать их способности, приглашать специалистов чтобы детей учили петь, рисовать» (Савельев, 2018, с. 149).

Кроме того, детям необходимо также ставить границы поведения. Сегодня Интернет заполнен примерами детской жестокости в школах и на улице только лишь потому, что подрастающее поколение не имеет рамок и границ поведения, не понимает, что за то, что они побили более слабого (да еще коллективно), их могут попросту «выдрать». Да к тому же и их родители не понимают и не обращают внимания на такое поведение и реально не наказывают детей. Сейчас нужно к тому же, как и ребенка, «воспитывать» родителей. Естественно, физическое наказание – крайняя мера, и нужно понимать, что вопрос наказания детей родителями – это не вопрос издевательства над ними, а указание в отсутствие действительности других средств неких границ поведения для детей. А вот управлять населением, не соблюдающим рамки поведения, оказывается намного легче. Данное население, во-первых, проще убедить в чем угодно, в том числе в глупости и лжи, а во-вторых, проще контролировать, так как у таких людей не сформированы критерии хорошего и плохого поведения, т.е. те самые социальные и общественные ограничения.

Насколько легче управлять глупым социумом, свидетельствует следующая цитата из той же работы ученого: «Научившись писать,

дети быстро переходят к более примитивному тыканью пальцем в планшет и телефон. В результате возникает ситуация замены принудительной нагрузки на развивающийся мозг благостью компьютерных подсказок, искусственным синтаксисом и пунктуацией. В конечном счете, исключение рукописных текстов из детского развития снижает формирование структурных основ самосознания и когнитивных способностей. При этом наше сообщество ориентировано на то, чтобы творческие отклонения самостоятельного мышления никогда не появились. Только примитивное демонстрационное доминирование в популярностях предельно ограниченных социальных имитаторов и конформистов гарантирует иллюзию личного процветания. По этой причине развитая письменная речь постоянно заменяется невнятными безграмотными фразами, картинками, эмоциональными символами – смайликами. Эта ситуация начинает осознаваться в среде тех, кто способен к небологическому мышлению» (Савельев, 2018, с. 150).

Также отметим, что подчинение рыночным отношениям таких сфер, как образование и здравоохранение, закрепляет процессы потомственной бедности и слабого здоровья, так как элементарно не хватает свободных финансовых средств на саморазвитие и лечение. В капиталистическом государстве нужны только те люди, которыми можно манипулировать, которым можно лгать. Так сформировалось так называемое поколение «ку-ку» (в понимании историка Е.Ю. Спицына⁴). Он как раз и указывает на то, что это не вина этого поколения, а его беда, и ссылается на А.Н. Яковлева, который пишет: «Мы придумали простой, как кувалда, способ: авторитетом Ленина бьем по Сталину, в случае успеха – авторитетом Плеханова и социал-демократии бьем по Ленину, в случае успеха – авторитетом либерализма и “нравственного социализма” (курсив авторский *общечеловеческих ценностей*) – по революционализму

вообще». Конечно, А.Н. Яковлев писал (Яковлев А.Н. Вступительная статья к книге «Черная книга коммунизма», 1999, с. 4) это в отношении разрушения СССР. Однако думаем, что алгоритм идентичный и вполне соответствует реформированию системы образования. Этот механизм разрушения образования способствует закреплению высокой дифференциации населения.

Те же информационно-коммуникационные технологии с использованием рекламы, фильмов, передач активно формируют потребительское, утилитарное, не отягощенное нормами нравственности мышление. СМИ, демонстрируя такой легкий образ жизни, воспитывают в молодежи ценности, далекие от ценностей труда, взаимопомощи и взаимовыручки. В результате такого необременительного существования молодое поколение активно включено в сферу торговли на квалификационных позициях продавцов сразу после обучения в школе. Однако данное поколение к 40–45 годам кроме как навыками продаж не обладает, не владеет рабочими специальностями, а в силу возраста и предыдущего социального опыта уже и не хочет работать вообще.

Создание Голливуда в составе семи компаний также можно рассматривать как инструмент формирования сознания, ценностей, жизненных стандартов. Л. Толстой отмечал (Жухрай, 1996, с. 250), что литература и искусство – самые сильные формы внушения. По этому же поводу В.И. Ленин писал, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино»⁵ (Ленин, 1970, с. 579). В сущности, искусство отражает эпоху, выявляет ее внутреннюю сущность в самой глубокой форме. А раз воспринимается связь между кинематографом и влиянием на поведение людей, естественно, будет и перечень закрытых тем и тем, активно обсуждаемых в СМИ. В 2013 г. вышла книга Бена Урванда «Коллаборационизм. Голливудский пакт с Гитлером» (Urwand, 2013), где автор приводит множество

⁴ Спицын Е. Поколение КУ-КУ. URL: <https://youtu.be/GNsDTyac3G0>.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1970.

фактов о сложившемся мифе об идеальной «фабрике грез».

Том Хенкс также высказался по этому поводу: «Когда промышленность может схватить идею и сделать ее яркой и пленительной, так, чтобы зрители даже не подозревали, что впускают в себя нечто такое, чего бы они никогда не впустили, знай они что это. Тогда фильм как социальный двигатель может ознаменовать некие перемены»⁶. На этом основаны такие трансгуманистические (в терминологии О.Н. Четвериковой⁷) фильмы, как «Призрак в доспехах», «Легион», «Фиолент», «Матрица» и др. Кинематограф – это не что иное, как инструмент пропаганды, а целевые стратегии и концепции развития – лишь управленческое решение власти. Подтверждая это, Мэрилин Фергюсон в работе 1980 г. «Заговор Водолея» указала на начало «смены парадигм», означавшей социальные перемены и революционные изменения сознания через освобождение от старых запретов. Последовавшая за этим самая быстрая в истории культурная мутация оказалась «шире, чем реформа, глубже, чем революция» (Ferguson, 1980). В СССР В. Маяковский в противовес пропаганде либеральных целей писал: «Но мы не отдадим кустарям одиночкам ни лозунг, ни сирену, ни кинопрокат».

Кроме того, сегодня наблюдается расширение влияния церкви. Заголовки статей периодической печати отражают тенденцию⁸ активного участия церкви в общественной жизни, ее влияния на государствен-

⁶ Буньядов Д. Кинематограф – инструмент порабощения сознания. URL: https://allatravesti.com/kinematograf_instrument_poraboscheniya_soznaniya.

⁷ Четверикова О., Перетолчин Д. «Темная сторона Голливуда». URL: <https://youtu.be/6fdQmiep8PI>.

⁸ Пресс-служба РПЦ: Надо молиться, а не на митинги ходить. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2012/02/110802_russia_patriarch_rallies; Поздравление Святейшего Патриарха Кирилла А.Д. Беглову с избранием на должность губернатора Санкт-Петербурга. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5497504.html>; Патриарх Кирилл: В школах детям

ные решения, а также ее проникновение в образование, культуру, науку. Ж.Т. Тощенко указывает на экономическую и финансовую собственность Русской православной церкви (РПЦ) (Тощенко, 2009). Приведем несколько цифр о доходах РПЦ из открытых источников. Так, в 2014 г. только необлагаемые налогом на прибыль доходы церкви составили 5,6 млрд р. (Сотникова, Витько, 2016). За 2018 г. выручка продаж от религиозных предметов и ритуалов составила 3,7 млрд р. Соответствующая выручка в 2017 г. составила 4 млрд р., а в 2016 г. – 4,8 млрд р. Несмотря на увеличение количества храмов в России, РПЦ декларирует снижение своей выручки на 23% за два года⁹. В собственности РПЦ находятся завод «Софрино», гостиница «Даниловская» в центре Москвы и другие объекты. РПЦ освобождена от уплаты земельного налога, налога на имущество и прибыль организаций, имеет льготы по НДС.

«С экономической точки зрения РПЦ представляет собой гигантскую корпорацию, объединяющую под единым названием десятки тысяч самостоятельных или полусамостоятельных агентов. Ими являются каждый приход, монастырь, священник», – писал в своей книге «Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы» Н. Митрохин (Митрохин, 2004, с. 121).

«Действительно, в отличие от многих общественных организаций, каждый приход регистрируется как отдельное юридическое лицо и религиозное НКО. Доходы церкви за проведение обрядов и церемоний не подлежат налогообложению, не облагаются налогом и поступления от продажи религиозной литературы и пожертвования. Государство предоставляет транспорт, охрану, а также три из четырех резиденций Патриарха – Чистый переулок в Москве, Данилов монастырь, Переделкино» (Сотникова, Витько, 2016).

не дают изучать православие. URL: <https://www.orel.kp.ru/daily/26020.4/2941287/>.

⁹ По данным ФНС, у РПЦ МП резко упали доходы. URL: <https://credo.press/224736/>.

Ежегодно министерства культуры, здравоохранения, образования выделяют церкви на разные проекты от 1,5 млрд до 4 млрд р. За последнее десятилетие число новых храмов выросло в несколько раз на фоне сокращения числа школ и больниц. Фонд поддержки строительства храмов г. Москвы пополняется взносами таких корпораций, как «Газпром», «Транснефть», Сбербанк, РЖД, ГМК «Норникель», АФК «Система» (Рейтер, 2015). Таким образом, государство не только не отделено от церкви, а само способствует укреплению церкви, увеличению ее собственности и содействует продвижению ее идей, нацеленных на подтверждение охранительной тенденции власти. Здесь следует напомнить К. Маркса, который указывал, что «Высокая англиканская церковь, скорее, простит нападки на 38 из 39 статей ее символа веры, чем на 1/39 ее денежного дохода» (Маркс, 1923, с. 3).

И наконец, сегодня еще одной тенденцией общественного развития являются слом традиционных ценностей, снижение роли традиционной семьи и рост феминизации женщин. Это обусловлено промышленной и – как ее части – компьютерной революцией, когда женщины получили возможности для самореализации в новых отраслях экономики, а многие мужчины сменили традиционно мужские отрасли приложения труда. Как следствие, распространение получили так называемые гостевые браки, а нежелание брать на себя ответственность за семью подтверждается ростом чисел неполных семей и разводов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вряд ли приведенный нами список полный. Однако думаем, что описанные нами наиболее важные тенденции, наблюдаемые сегодня в общественных процессах, влияют на формирование различных институтов, тем или иным способ организующих жизнедеятельность людей. Все эти тенденции яв-

ляются результатом разрывов в ценностях, когда радикально не совпадают картины мира властных и олигархических элит с ожиданиями народа, большинством населения страны. Вывод простой и известный – одинаковые «правила игры» для всех.

Интеграционная системообразующая функция институтов заключается в том, что экономика является полем взаимодействия и выражения множества иных проявлений со стороны политики, культуры, психологии, идеологии и других общественных сфер. В результате под влиянием как различных институтов общества, так и законов собственно эволюции складывается определенная социально-экономическая система. Как видим, институциональный подход глубоко укоренен в системе общественных социально-экономических отношений и наиболее полно – через факты, конкретные примеры и причинно-следственные связи – получает свое проявление и дальнейшее развитие.

Список литературы / References

- Бессонова О.Э. (2006). Общая теория институциональных трансформаций как новая картина мира // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 130–143. [Bessonova O.E. (2006). General theory of institutional transformations as a new picture of the world. *Social Sciences and Sciences and Contemporary World*, no. 2, pp. 130–143 (in Russian).]
- Бессонова О.Э. (2014). Институциональный кризис и эволюционные возможности его преодоления // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 73–86. [Bessonova O.E. (2014). Institutional crisis and evolutionary possibilities of overcoming it. *Social Sciences and Contemporary World*, no. 4, pp. 73–86 (in Russian).]
- Вальцев С.В. (2012). Теоретические подходы к определению категории «институт» в рамках институциональной теории // *Проблемы современной науки и образования*. № 2 (2). С. 4–9.

- [Val'tsev S.V. (2012). Theoretical approaches to the definition of the category of "institution" in the framework of institutional theory. *Problems of Modern Science and Education*, no. 2 (2), pp. 4–9 (in Russian).]
- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. М.: Прогресс. [Veblen T. (1984). *The Theory of the Leisure Class*. New York, Macmillan.]
- Куртуа С., Верг Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. (2001). Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии: пер. с англ. М.: Три века истории. 780 с. [Courtois S., Werth N., Panne J.-L., Paczkowski A., Bartoszek K., Margolin J.-L. (1999). *The Black Book of Communism: Crimes, terror, repression*. Cambridge, Harvard University. 780 p.]
- Ленин В.И. (1970). Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат. [Lenin V.I. (1970). *Complete works*. Is. 5. Vol. 44. Moscow, Politizdat (in Russian).]
- Макареня Т.А., Хазагаева И.Ц. (2013). Экономические институты и цикличность развития // Региональная экономика: теория и практика. № 10 (289). С. 2–6. [Makarenya T., Khazagayeva I. (2013). *Economic Institutions and Cyclical Development*. *Regional Economics: Theory and Practice*, no. 10 (289), pp. 2–6 (in Russian).]
- Маркс К. (1923). Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала / под ред. К. Каутского; пер. под ред. В. Базарова, И. Степанова. Харьков: Пролетарий. 610 с. [Marx K. (1923). *Capital. Criticism of Political Economy*. Kharkov, Proletariy, 610 p. (in Russian).]
- Митрохин Н. (2004). Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение. 648 с. [Mitrokhin N. (2004). *Russian Orthodox Church: current state and current problems*. Moscow, Publishers "Novoye Literaturnoye Obozreniye", 648 p. (in Russian).]
- Монах Лазарь (Афанасьев В.) (2013). Ставка на сильных: жизнь Петра Аркадьевича Столыпина. М.: Русский паломник. [Monk Lazar (Afanasiev V.) (2013). *Count on the Strong. Life of Peter A. Stolipin*. Moscow, The Russian Pilgrim (in Russian).]
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». [North D. (1997). *Institutions, Institutional Changes and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press.]
- Рейтер С. (2015). Расследование РБК: кто финансирует строительство новых храмов в Москве. [Reyter S. (2015). *RBC investigation: who finances the construction of new churches in Moscow*. (in Russian).] URL: <https://www.rbc.ru/investigation/society/25/05/2015/555dbc3f9a794754d9f7b674>.
- Сотникова А., Витько С. (2016). Расследование РБК: на что живет церковь. [Sotnikova A., Vit'ko S. (2016). *RBC investigation: what the church lives on* (in Russian).] URL: <https://www.rbc.ru/investigation/society/24/02/2016/56c84fd49a7947ecbff1473d>.
- Савельев С.В. (2018). Морфология сознания. М.: ВЕДИ. 208 с. [Savel'yev S.V. (2018). *Morphology of consciousness*. Moscow, VEDI, 208 p. (in Russian).]
- Скоблякова И.В., Журавлева Т.А., Ямщикова Т.Н. (2017). Институциональная теория циклического развития экономики // Новая экономика: институты, инструменты, тренды: материалы международной научно-практической конференции. 16–18 апреля 2017 г. Орел: ПФ «Каргуш». С. 76–80. [Skoblyakova I.V., Zhuravleva T.A., Yamshchikova T.N. (2017). *Institutional theory of cyclical economic development*. In: *International scientific and practical conference: "New economy: institutions, tools, trends"*. Orel: "Kartush", pp. 76–80 (in Russian).]
- Тепляков С. (2019). «Стратегия 2020»: неутешительные итоги главной концепции развития страны. [Teplyakov S. (2019). *"Strategy 2020": disappointing results of the main concept of the country's development* (in Russian).] URL: <https://mbknews.today/suzhet/strategiya-2020-neuteshitelnye-itogi/>.
- Тощенко Ж.Т. (2009). Экономические притязания религии // Новая газета. № 71. [Toshchenko Zh.T. (2009). *The economic claims of religion*. *Novaya Gazeta (New Newspaper)*, no. 71 (in Russian).]
- Ханин Г.И. (2008). Экономическая история России в новейшее время: монография: в 2 т. Т. 1:

- Экономика СССР в конце 30-х годов. Новосибирск: Новосибирский гос. техн. ун-т. 516 с. [Khanin G.I. (2008). Economic history of Russia in modern times. Novosibirsk, Novosibirsk State Techn. Univ. 516 p. (in Russian).]
- Davis L.E., Douglass C. (2008). North institutional change and American economic growth. New York, Cambridge University Press. 283 p.
- Ferguson M. (1980). The Aquarian conspiracy. URL: <http://groups.apu.edu/theophil/Culp/Phil496%20Readings/Ferguson%20Aq%20Conspiracy%20S07.pdf>.
- North D.C. (1981). Structure and change in economic history. New York, W.W. Norton. 240 p.
- Ravenstein E.G. (1885). The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*, vol. 48, no. 2. (June), pp. 167–235.
- Urwand B. (2013). The Collaboration: Hollywood's Pact with Hitler. Cambridge (Mass.) & London (England), The Belknap Press of Harvard University Press. 327 p.

Рукопись поступила в редакцию 18.01.2020 г.

INSTITUTIONALISM AND MODERN SOCIO-ECONOMIC TRENDS OF SOCIAL DEVELOPMENT

T.N. Yamshchikova, T.A. Zhuravleva

DOI: 10.33293/1609-1442-2020-3(90)-7-18

Tat'yana N. Yamshchikova, Orel State University, Orel, Russia; ktn4@yandex.ru

Tat'yana A. Zhuravleva, Orel State University, Orel, Russia; zhuravleva_orel@mail.ru. ORCID 0000-0002-9065-5072

Acknowledgment. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-010-00124).

The life cycle is inherent in any system and its individual elements. The period from the formation of a particular socio-economic system to its death (change) is its life cycle. There is an acute need for understanding new phenomena and development challenges, assessing possible threats and risks that may accompany the transformation of socio-economic relations in transitional periods. The purpose of the article is to describe the trends in socio-economic reality that have manifested in recent decades, which allow outlining the expected features of the decades to come. The consistent disclosure of substantiated trends, confirmed by the theoretical conceptual framework and the empirical component, reflects the causal relationship of all spheres of social structure. The integration social function of institutions based on the unity of dialectical positions is revealed, where the economic system serves as an arena for interaction and expression of politics, culture, psychology, ideology and other public spheres. Large-scale evolutionary changes and the emergence of new cultural types occur subject to the transformation of technology and economics. The evolving evolutionary laws of development are mediated by both institutional influence and the systemic nature of the formation of the conditions of socio-economic relations. Institutions of society contribute to the tendencies of preservation and variability of socio-economic development and their further transmission under conditions of dynamics and staging. Determining written and generally accepted rules of behavior in society, institutions reinforce the processes of interaction between economic entities, and form, within the framework of existing informal norms, motives, incentives and rules of the relationship between political, social and economic systems.

Keywords: cyclicity, institutions, current trends in social development, causal relationships.

JEL: B50, B51, B52.

Manuscript received 18.01.2020